

Ходил по Древней Греции философ по имени Диоген средь бела дня с зажжённым фонарём и кричал: «Ищу человека!», и нам, занимающимся стихосложением, впору бродить при ярком солнечном свете с фонариками на батарейках и время от времени восклицать: «Ищу редактора!» Да только ничего не выйдет, прохожие шарахаться будут в разные стороны. Чего доброго, ещё и увезут куда-нибудь люди в белых халатах. Вдруг мы лауреаты!

А многие из нас действительно лауреаты, только не Нобелевской премии, а целой армии литературных конкурсов (поэтических, всероссийских, региональных, нефтехимической и газовой промышленности, безымянных или названных в чью-то честь). Сами пишем, сами редактируем свои стихи, математически выверяя их по законам силлабо-тонического стихосложения. Чтобы и точная рифма наличествовала, и стихотворный размер был выдержан в лучших классических традициях, и логика присутствовала. Чтобы всё в наших произведениях соответствовало действительности, было точным, как протокол, составленный добросовестным работником уголовного розыска на месте совершения преступления.

Если же стихи не причёсаны и отличаются от стройной шеренги одинаковых оловянных солдатиков, то это, по мнению некоторых почтенных редакторов и критиков, слабые стихи. Например, поэт пишет: «На заре рождаются дети». Неправильно, потому что, как выясняется при прочтении строгих критических статей, дети рождаются в любое время суток. А если «на закате цикады поют», то это вообще никуда не годится. Все знают, что цикады иногда поют всю ночь. Кое-кто считает, что они вообще стрекочут, как кузнечики. Только кузнечик стрекочет один, цикады делают это хором. Примеры подобно рода критических замечаний можно приводить и приводить.

Вот строки из стихотворения большого поэта Бориса Чичибабина: «Мне ад везде. Мне рай у книжных полок...» И дальше: «Мне рай с тобой». Где, спрашивается, логика? Если ад везде, то и рая никакого нет. Вы скажете, что, конечно, и у больших поэтов встречаются неправильности русского языка, и тут же приведёте в качестве примера лермонтовское «из пламя и света» или есенинское «Потому что я с севера, что ли, // я готов рассказать тебе поле». Имеется здесь один секрет: подобные неправильности мы замечаем не сразу, а, заметив, принимаем их без всякого насилия над собой.

Часто встречается другой сорт въедливых замечаний, показывающий «широту» взглядов редактирующего, его личные представления об окружающем мире. Так, на стихи начинающей поэтессы о деревне «Ночи растаяла тьма, // снег всё окутал кругом. // Сгорбились сразу дома...» читаем замечание очередного мастера слова: «Домá и до снега были горбатые». Правда, справедливости ради, отмечаем: он обратил внимание и на неточность употребления слова «сразу». Зато на признание «тоскую по любимым» поэтесса получила, что называется, по полной программе. «Любимый человек может быть только один». Интересно, а кто этот

один любимый среди членов семьи самого мастера? А если вы пишете: «Выжимает туча мокрую одежду», то, наверняка, опять же ошибаетесь. Ну не может такого быть! У тучи и одежды-то никакой нет.

Как часто приходится сожалеть, что редактирование стихотворных текстов обычно соседствует с их оценкой и толкованием. Сколько же довелось читать рукописей, испещрённых размашистым почерком всезнаек! «Ерунда!», «Какая глупость!», «Чушь!» — самые мягкие из невеликого набора однотипных критических замечаний.

Этимология слова «критика» восходит к той же Древней Греции. Тогда критика считалась искусством судить. О каком же искусстве может идти речь в нашем случае? Хотя, признаемся честно, существуют стихи настолько слабые, что их и обсуждать-то неудобно.

Редактировать тексты надо, никто не спорит. Чтобы не появлялись в печати перлы типа «мой взгляд упал на землю с головы» или «пером из облака луны». Да только с подобными ляпами справится, на наш взгляд, любой мало-мальски грамотный человек со средним образованием. А перед редактором, прежде всего, стоит задача выявить художественные достоинства рассматриваемого произведения, в данном случае, стихотворения. Много ли оно стоит, если ли в нём поэзия? А если есть, то как её сохранить, чтобы не ушла, не пропала, не канула в безвестность?

Что же такое поэзия? В наше странное время поэзией чаще всего называют художественное творчество в стихотворной форме. Иными словами, кто умеет сочинять стихи, тот и поэт. А если при этом владеет искусством рифмовать и даже рифму к слову «пакля», в отличие от всенародно известного Незнайки, подыщет, то такой умелец у нас в России больше, чем поэт.

Берём в руки Толковый словарь и читаем: «Поэзия — изящество и красота чего-нибудь, пробуждающие чувство очарования». А «поэтический» значит *проникнутый поэзией* и (опять же!) *очаровательный*. Понятно? Совсем как в деревенской истории, рассказанной ангарчанкой Раисой Гавриловой. Проезжающие спрашивают у сельчан: «А где тут у вас магазин?» И слышат: «Так рядом с домом Ваньки». — «А где дом Ваньки?» — «Да у магазина же!»

Простое и ёмкое определение поэзии дала Ольга Гизатулина: «Состояние души». Однажды на встрече с читателями любознательный старшеклассник спросил выступающего: «А вы считаете себя поэтом?» И получил ответ: «Конечно. И вы, может быть, поэт. И совсем необязательно сочинять стихи. Поэт видит красоту окружающего мира и учит нас видеть эту красоту». И впрямь, нам хорошо знакомы и шишкинские сосны, и есенинские берёзки, и тургеневские барышни.

Стихи только тогда вправе называться поэзией, когда вызывают у нас ответное звучание мыслей и чувств поэта. Другими словами, происходит совместное чудо-творчество автора и читателя. То есть свобода самовыражения, с одной стороны, а с другой — сопереживание.

Очень жаль, что мы чаще встречаемся с «барабанными» стихотворными фальшивками и красотами, трафаретными образами, чем с искренними строками настоящих поэтов, их удивительной необъяснимо действующей простотой, когда рифмы и ритмическое богатство отступают на второй план. Мы восхищаемся силой слова, глубиной мысли и «половодьем чувств». Поэтому глубоко поэтической, то есть покоряющей чувства и память читателя, может быть и проза.

Давно замечено, что в неумелых, а порой и безграмотных стихах авторов, делающих первые шаги на литературном поприще, иногда гораздо больше по-

эзии, чем у профессионалов. Если такие авторы приобретают опыт и начинают мало-помалу разбираться в азах стихосложения, то их самобытность и тяга к поэтическому чаще всего идут на убыль.

Мы проводим много времени среди людей, работающих со словом. Несчётное количество раз присутствовали при критическом разборе стихов самодеятельных поэтов. Думаете, много нам довелось слышать разговоров об образности и музыке стиха? Все критические замечания сводятся, в основном, к обсуждению техники стихосложения, выискиванию различных блошек и сорняков типа «ведь», «лишь», «вдруг» и т. д. И ещё слов нелепых, странных, диких (почти по Василию Триаковскому). Чтобы ткнуть начинающего стихотворца, как слепого котёнка, в собственные грешки. Мол, не шали, не гадь, веди себя прилично. Об ошибках же логико-смысловых, смещении стилей, звуковой организации речи, нарушении её образности мы и не слышали никогда.

А кто из маститых их похвалил и поддержал? Если посчитать, пальцев на одной руке хватит: Любовь Щедрова. Евгений Суворов, Геннадий Гайда, Василий Козлов и, конечно, Владимир Скиф, которого следовало бы назвать первым. Скольких молодых талантливых авторов он вывел на столбовой путь профессиональной литературы!

Общеизвестно, что умение редактировать отнюдь не предполагает наличие способностей к сочинительству. И, наоборот. Настоящие поэты иногда показывают полную профнепригодность к правке текстов. Хотя бытует мнение, что поэты — лучшие читатели стихов. Трудно с этим согласиться. Как правило, поэты одобряют стихи, чем-то напоминающие собственные и по содержанию, и по сходству выразительных средств. Поэт-конкретик вряд ли сможет принять поэта-символиста. Любитель метафор не станет восхищаться «сухой» философией, к примеру, Леонида Мартынова. Но покритиковать, причесать чуждые по духу стихи — с большим удовольствием. Не соответствуют представлениям редактора, шаг вправо или влево — сразу расстрел. Оно и понятно: человек всегда воспринимает в штыки новое, сопротивляется тому, чего не может осмыслить, уразуметь, постичь. Добавим сюда нежелание услышать другого, и получится рецепт на все случаи редакторской жизни.

Обруганные и «обструганные» авторы долгие месяцы пестуют большое самолюбие, в справедливом, как им кажется, негодовании надувают щёки и обижаются на весь белый свет. В результате, все в проигрыше.

Но вот что удивительно! Даже самые разобитенные признают необходимость работы с редактором, мечтают найти своего, близкого по духу, помощника. Индивидуальных занятий желают все, а в коллективе работать не научены. В этом — самая главная беда.

Джордано Бруно когда-то пошутил: если Вселенная бесконечна, то любая её точка может считаться центром. Вселенная поэзии тоже необъятна и многообразна. И как хорошо было бы уяснить себе, наконец, что солнце не вращается вокруг нас.